

Олег Губарь

Руссовы: происхождение, причисление в городское гражданство, недвижимость

В монографии «История градостроительства Одессы и функции Одесского строительного комитета» мимоходом упоминал о первой недвижимости этого семейства в Одессе.¹ В архивных документах 1810-1840-х фамилия записывалась по-разному – Русо, Руссо, Руси, Роси, Росси, Русьевы, Руссьевы, Русевы, Руссовы, Росимовы, Русимовы, Расимовы и т. д. – и это серьезно осложняет генеалогический поиск. Расставив обнаруженную информацию в хронологической последовательности, получим довольно четкое представление о том, откуда Руссовы прибыли, что потеряли, что обрели, каковы были их повседневные занятия, заботы и даже отдельные намерения.

Сохранился любопытнейший архивный документ, в котором Руссовы рассказывают о себе сами, подчеркивая тем самым определенные и важные в данном контексте обстоятельства. Дело в том, что в конце 1810-х годов Одесский строительный комитет (ОСК) раздавал желающим участки под садоводство по правой стороне Малофонтанской дороги, в окрестностях проектируемого Городского ботанического сада. Руссовы тоже хотели получить там землю. 17 апреля 1819 года составлено и 22 апреля подано на рассмотрение градоначальника графа Ланжерона прошение от «македонской нации родных братьев Стояна и Петра Руссьевых». 17 лет назад они имели дома, немаловажные сады и прочее обзаведение в Яссах. Нашли покровительство австрийского правительства и, оставив все это имущество под турецким игмом, получили австрийские паспорта, с которыми прибыли в Российскую империю. Нанимали у помещиков земли, завели немаловажное хлебопашество, скотоводство и отару овец, которые донине

удерживают (надо полагать, в окрестностях Аккермана, но, возможно, не только). Решили записаться в российское подданство. В 1810 году вступили в одесское купечество. Близ Вольного базара купили три смежных места, на которых построили три немаловажных дома по новому плану, но не пользовались никакими другими участками городской земли. Нашли близ вновь заводимого Комитетом Казенного ботанического сада пустопорожнее место, желая завести виноградник и фруктовые сады, и украшающий город плановый дом построить. Однако прошение это не могло быть удовлетворено, поскольку запоздало. На этот момент раздача земли была уже прекращена.²

Это говорит о том, что, во-первых, братья сами подчеркивают свое отличие от греков, а во-вторых, что обитали они не в Македонии, а в Молдавском княжестве и, не исключено, там же родились. Кроме того, как будет понятно из дальнейшего хода событий, меж 1810-м и 1816 годами Руссовы собственной недвижимости не имели и выступали в роли арендаторов сельскохозяйственных угодий, причем настолько успешно, что сумели скопить некоторый капитал. А далее братья приобрели довольно перспективные места с первичными строениями по нынешней улице Успенской, № 54-58. Рассмотрим сюжет застройки, покупки и перестройки этой недвижимости более подробно.

4 сентября 1803 года цесарский (австрийский) негодант Иван Кочини (Кокини, Gio Cochini) получил владельческие документы на застроенные места в неразделенных кварталах XXXIV-XXXV Военного форштата, под № 307, 308 и 314, которые затем слились в единый под общим номером XXXIV. Ныне это территория домов со дворами № 54, 56 и половина примыкающего № 58. 9 июля 1806 года он сообщает в ОСК, что дом его обокрали, похитив и владельческие документы, просит выдать дубликат. Сверившись с соответствующими записями в своих журналах, Комитет удовлетворяет просьбу Кочини.³

Из высочайше утвержденного генплана Одессы 1803 года видно, что № 307 и 308 еще впусе, а № 314 и смежный к проспекту № 313 застроены по всем фасадам.⁴ На плане города 1807 года фасад № 314 показан в виде двух флигелей с широким въездом во двор, а на смежном месте № 308 – еще и дворовой флигель.⁵

План 1814-го фиксирует следующую стадию достройки: удлинение примыкающего к фасаду флигеля на месте № 314 и появление выходящего торцом на фасад строения на месте № 307.⁶ О дальнейшей эволюции застройки будет сказано ниже.

Из серии архивных документов 1817-1824 годов четко видно, что указанные места плюс смежное к проспекту, № 313 (ныне вторая половина дома № 58), с имевшимися на них строениями приобрели в 1816 году по купчей крепости в Херсонской палате гражданского суда одесские третьей гильдии купцы Петр и Стоян Роси (Руссьевы, Росимовы и т. п.). 5 апреля 1817-го братья подали в ОСК прошение, в коем высказывают намерение «в собственном нашем доме не в отдаль Греческой церкви построить в дворе баню на манер бань, именуемых турецкими, под двумя куполами, с разделением мужской от женской, на каковое строение полагаем выписать из Константинополя потребные материалы и надобное количество мраморного камня, а для наполнения бань водой – черепичных труб, для стоку же из бань нечистой воды вырыть яму и сделать проход оной в приличном месте, словом, баню мы намерены выстроить такую, какой в Одессе ныне не имеется, только ожидаем от Комитета на сие разрешения, позволено ли будет нам таковую баню выстроить. Вместо неграмотных просителей купцов Петра и Стояна Роси подписался Иван Ермаков. Апреля 5 дня 1817 года».⁷ Вряд ли братья были неграмотными. Вероятно, просто не владели русским языком.

12 апреля 1817-го ОСК обратился в Городскую полицию – с тем чтобы она дала свое заключение по бане: «не будет ли чрез то нечистоты к улице, опасности пожара, безобразия улице и неблагопристойности».⁸ 5 мая городской полицмейстер Степан Достанич сообщил о препятствиях в осуществлении намерения устройства бани: 1) «для стока из бани нечистоты с дурным запахом нет приличного места, разве в общие по городу канавы», если же в особую яму, то и от таковой пойдет смрад, особенно в теплое время; 2) «в смежности сказанного места выстроены дома с значительных капиталов, да тут же вблизи состоят и гостиные ряды, то и сим настоят опасность от пожара».⁹ Говоря короче, проект был закрыт. Подробности этого сюжета и об устройстве неподалеку точно такой же бани в 1818-м купцом Палеологом я уже сообщал.¹⁰

77357

числ 6. Апрѣля 1817

Одесская Купеческая

Одесская Купеческая Печата Кнѣ
и Стояна Роси.

Прошение

мы нижеподписавшіи въ Одесскомъ
нашемъ Градѣ Нѣтъ отъ насъ Греховъ
и сирѣчь въспрашиваемъ въ Ваше Высоч
на Манежъ Вашъ именуемася торго
ванъ, "погодъ" и "вспрашиваемъ" о ра
здѣленіи въ Москвѣ отъ Отенна, къ
какимъ Сирѣчь Послаемъ въ
отъ Убѣ Квѣтныи и тѣмъ оудъ Намъ
ныя Матеріалы и тѣмъ оудъ Намъ
отъ Мраморнаго Камня, адиъ Намъ
и кѣмъ Вашъ Воды Сирѣчь оудъ
Градъ Стояна Роси, въ Вашъ Нѣтъ
Воды Сирѣчь оудъ и тѣмъ оудъ
отъ Квѣтныи и тѣмъ оудъ Намъ
Вашъ мы Намъ оудъ Намъ
къ Роси. въ оудъ Намъ Намъ
отъ Роси. оудъ Намъ Намъ
о раздѣленіи Намъ Намъ Намъ
нашъ Намъ Намъ Намъ Намъ
въ Намъ Намъ Намъ Намъ Намъ
къ Намъ Намъ Намъ Намъ Намъ
отъ Намъ Намъ Намъ Намъ Намъ

Апрѣль 5. 1817 года

Прошение одесских купцов Петра и Стояна Роси о дозволении открыть баню. 5 апреля 1817 г.

В 1817-1818 годах Руссовы, занимаясь переделкой и удлинением прежних построек, столкнулись с тем, что соседи их «утеснили», то есть зашли за пределы своих мест и заняли их территорию. 25 июня 1818-го Городская полиция донесла в ОСК результат проверки: оказалось, общая длина четырех мест составляет лишь 40,5 сажень вместо положенных по плану 45-ти. Городской архитектор Александр Дигби разбирался с захватами в натуре. В итоге законные границы были определены, и 13 мая 1819 года одесские купцы Петр и Стоян Руссовы (Росимовы, Русимовы) получили соответствующие владельческие документы.¹¹ Из других архивных документов видны подробности уточнения границ мест, приведены конкретные цифры и прочее, включая очередные версии фамилии этого семейства.¹²

В свою очередь, сосед Стояна Руссова (Руссо), представитель известной в юной Одессе греческой фамилии Анастасий Ильев сын Деспотов, 22 апреля 1819 года подал в ОСК жалобу: мол, при уточнении границ мест от его двора отрезали одну сажень и один аршин в пользу Стояна.¹³ Едва ли подобные претензии могут быть справедливы. По крайней мере мы не наблюдаем в более поздних архивных делах никаких последствий.

Ближе к концу 1824 года братья Руссовы (Русо) явно хотели получить официальное оценочное свидетельство на эту свою недвижимость – надо полагать, для отдачи под залог по каким-то подрядам, не обязательно собственным. По этой причине все четыре места и постройки были освидетельствованы штатным архитектором Джованни (Иваном) Фраполли. 4 декабря в журнале заседаний ОСК сделана запись, лаконично повторяющая историю обретения ими по купчей крепости у цесарского негоцианта Кокини таких-то мест, которые тот узаконил тогда-то. Фраполли обнаружил, что «на оных произведена постройка с давнего времени в виде лавок и в противность архитектуры». Но так как Комитетом ранее дан открытый лист (владельческие документы), «то Комитет уже и не может переменить оного». Кроме того, к владельцам нет никаких имущественных претензий: ни казенных, ни частных.¹⁴

Что это означает? То, что братья Руссовы лишь достраивали и перестраивали прежние архаические дома и служебные помещения, явно одноэтажные. Сами наверняка обитали в дворовых флигелях, а все фасадные сооружения использовались под торговые лавки. Это было рационально, поскольку к тому располагала сама дислокация – меж Вольным рынком (Старым базаром) и Гостиными рядами на проспекте.

До какого времени эти выгодные места и старые строения находились в собственности братьев? Здесь хронологическим репером может служить объект культурного наследия – приметный двухэтажный дом по улице Успенской, № 58, угол Александровского проспекта. В реестре он значится как «дом с лавками (гимназия Иглицкого), 1830, архитектор Г.И. Торичелли». О мужской гимназии Иглицкого и наследовавшей ей средней школе № 92, ныне 68, – разговор особый и здесь неуместный. То, что здание возведено по проекту Торичелли, весьма вероятно, но дата явно ошибочна. Так, на плане города, составленном этим архитектором в 1828 году, мы видим еще прежнюю постройку, занимающую лишь часть места № 313, фасадом к проспекту.¹⁵ Забегая вперед, скажу, что новое грандиозное здание, очевидно, возведено следующим владельцем, весьма состоятельным нежинским греком Александром Кумбари, известным своими крупными частными постройками, в частности, сохранившимся зданием по Екатерининской улице, № 29, Бунина (Полицейской), № 24 (1822 г.). Очень похоже, Руссовы были связаны с ним деловыми, а возможно, и родственными отношениями, так как в метрических записях он значится восприемником при крещении детей Руссовых. Строительство, как мы сейчас увидим, не могло начаться ранее теплого сезона 1832 года.

Во-первых, вся интересующая нас недвижимость «Русевых Петра и Стояна» значится в алфавите одесских домовладельцев на 1832 год,¹⁶ то есть в перечне лиц, которые обязаны платить в городской бюджет определенный налог с недвижимости. Во-вторых, «одесские купцы Петр и Стоян Руссовы» упоминаются в публикации Одесского приказа общественного призрения от 30 января 1832 года, обращенной к лицам, сделавшим займы, коим надлежит в 14-дневный срок явиться для расчета

по процентам, а в противном случае «с ними поступят по закону».¹⁷ Таким образом, они пребывали в стесненном материальном положении и не только не могли вложить солидный капитал в домостроительство, но, очевидно, были вынуждены продать эту свою недвижимость. Кроме того, масштабные работы Торичелли по обустройству Старого рынка и его окрестностей начались после 30 мая 1832 года, когда этим зодчим были подготовлены варианты проектов так называемых шоп – специальных торговых помещений, а ранее им и Боффо были составлены прикидочные сметы.¹⁸

К сожалению, мы пока не имеем точной даты совершения сделки меж Руссовыми и Кумбари. Однако по приведенным косвенным данным это событие не может датироваться позднее середины 1830-х. А далее данная недвижимость, уже капитально обновленная, числится за Кумбари при очень высокой оценочной стоимости: 29.386 рублей серебром,¹⁹ 29.553 рубля 33 копейки серебром.²⁰

Что касается непосредственно состава семьи братьев Петра и Стояна Руссовых, это чисто генеалогическая проблема, чрезвычайно осложненная многочисленными версиями огласовки и написания фамилии, да и имен (Стоян – Степан – Стефан и др.), что, например, вносит путаницу в ходе анализа метрических записей и прочих архивных документов. Например, в метрических книгах греческой Свято-Троицкой церкви, прихожанами которой были жившие по соседству первые Руссовы, имеется запись о рождении 2 января и крещении 6 января 1819 года младенца Ивана Росси, сына одесского купца Степана Росси и его жены Конки.²¹ Неясно, о Стояне ли идет речь. Есть также и другие не вполне вразумительные записи: о смерти 30 июня 1824 года годовалого сына одесского купца Петра Стояновича Руси, родители не указаны; о кончине 27 января 1827 года 40-летнего нежинского грека Константина Степановича Русова; о бракосочетании 26 октября 1836 года Анны Стояновны Руссовой, дочери одесского мещанина Стояна Герасимовича Руссова (в то время отец вполне мог временно состоять уже не в купеческом, а в мещанском сословии).²² Более поздние записи гораздо прозрачнее, поскольку, во-первых, меньше разночтений, а во-вторых, Руссовы в основном значатся

аккерманскими купцами, реже нежинскими греками.²³ В метрических книгах Покровской единоверческой церкви есть записи от 3-5 июля 1808 года о крещении, где восприемником значится иностранный купец Андрей Русов.²⁴ Имеет ли он отношение к интересующему нас семейству, непонятно. Так или иначе, воссоздание генеалогического древа во всей полноте – довольно затруднительное дело и требует дополнительных исторических источников.

Примечания

¹ Олег Губарь. История градостроительства Одессы и функции Одесского строительного комитета. – Одесса, 2015, с. 56, 332.

² Государственный архив Одесской области (ГАОО), ф. 59, оп. 1, д. 145, ч. 2, л. 426.

³ ГАОО, ф. 59, оп. 1, д. 17, л. 109-110.

⁴ Одесский историко-краеведческий музей (ОГИКМ), инвентарные № К-600 и К-609; Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА), ф. 846, оп. 16, д. 22276, л. 1.

⁵ ОГИКМ, инвентарный № К-602.

⁶ Plan de la Ville d'Odessa. – 1814.

⁷ ГАОО, ф. 59, оп. 1, д. 114, л. 184.

⁸ Там же, л. 185.

⁹ Там же, л. 186.

¹⁰ Олег Губарь. История градостроительства Одессы и функции Одесского строительного комитета. – Одесса, 2015, с. 328-333.

¹¹ ГАОО, ф. 59, оп. 1, д. 127, л. 169-173.

¹² Там же, д. 145, ч. 2, л. 423, 428, 434-436.

¹³ Там же, л. 430.

¹⁴ Там же, ф. 2, оп. 5, д. 287, л. 495.

¹⁵ ОГИКМ, инвентарный № К-605; РГВИА, ф. 846, оп. 16, д. 22278, л. 1.

¹⁶ ГАОО, ф. 4, оп. 8, д. 942, 2 часть, л. 10, № 447.

¹⁷ Одесский вестник. – 1832, 30 января, № 9.

¹⁸ ГАОО, ф. 59, оп. 1, д. 1538. – 45 листов.

¹⁹ Список домам и прочим строениям, состоящим в I-IV-й частях города Одессы, оцененным для платежа полупроцентного сбора с 1848 года, подлежащим и не подлежащим оценке. – Б. м., б. г., с. 16, № 72.

²⁰ Список домам и прочим строениям, состоящим в первой части города Одессы, оцененным для платежа полупроцентного сбора с 1855 года, подлежащим и не подлежащим оценке. – Б. м., б. г., 2 часть, № 72.

²¹ Труды Государственного архива Одесской области. Т. XXXVIII. – Одесса, 2014, с. 414-415.

²² Там же, с. 416-417.

²³ Труды Государственного архива Одесской области. Т. IV. – Одесса, 2002, с. 268-269.

²⁴ ГАОО, ф. 37, оп. 4, д. 16, л. 49 об.

